

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЈЕР

Бенедикт Велльс

КОНЕЦ
ОДИНОЧЕСТВА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
В 27

Benedict Wells
VOM ENDE DER EINSAMKEIT
Copyright © 2016 by Diogenes Verlag AG Zürich
All rights reserved

Перевод с немецкого Инны Стребловой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки
Сергея Шикина и Екатерины Платоновой

ISBN 978-5-389-12212-3

© И. Стреблова, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Моей сестре

Придвинь свой стул на край пропасти,
и тогда я расскажу тебе историю.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

ЧАСТЬ I

Я давно знаю смерть, но теперь и смерть знает меня.

Осторожно приоткрываю глаза и смотрю. Постепенно тьма рассеивается. Пустое помещение, освещаемое лишь миганием зеленых и красных лампочек различных аппаратов и лучом света, проникающим в приотворенную дверь. Ночная тишина больничного здания.

Мне кажется, что я очнулся от многодневных снов. Глухая, теплая боль в правой ноге, в животе, в груди. Голова слабо гудит, гудение усиливается. Понемногу я начинаю догадываться, что произошло.

Я выжил.

Перед глазами встают картины. Как я выезжаю из города на мотоцикле, прибавляю скорость, впереди — поворот. Как колеса теряют сцепление с грунтом, я вижу летящее на меня дерево, тщетно пытаюсь увернуться от столкновения, закрываю глаза.

Что спасло меня?

Я оглядываю свое тело. На шее — воротник, правая нога обездвижена, вероятно в гипсе, повязка на ключице. До аварии я был в хорошей форме, даже очень хорошей для моего возраста. Возможно, это меня и спасло.

До аварии... Или там было что-то еще, совсем другое? Но я не хочу об этом вспоминать. Лучше, подумал я, буду вспоминать тот день, когда я учил детей кидать камешки, чтобы на воде получались блинчики. Вспоминать, как жестикулировал брат, споря со мной. Или как мы с женой были в Италии и встречали рассвет, гуляя вдоль бухты на амальфийском побережье под плеск набегающих на скалы волн.

Меня одолела дремота. Во сне мы стоим на балконе. Она смотрит мне в глаза пронзительным взглядом, словно видит меня насквозь. Легким кивком она показывает на внутренний дворик, где наши дети как раз играют с соседскими мальчиками. В то время как наша дочь отважно вскарабкалась на каменную стену, сын не торопится повторять за ней, а только со стороны наблюдает, что делают другие.

— В этом он весь в тебя, — говорит жена.

Я слышу ее смех и ловлю ее руку.

Один аппарат прерывисто запищал. Медбрат меняет пакет с раствором для инъекции. Вокруг все еще глухая ночь. «Сентябрь 2014» — написано на настенном календаре. Я пробую приподняться.

— Какой сегодня день? — Мой голос звучит как чужой.

— Среда, — отвечает медбрат. — Два дня вы провели в коме.

Сказано будто о ком-то другом.

— Как вы себя чувствуете?

Я снова откидываюсь на подушку:

— Немного кружится голова.

— Это вполне нормально.

— Когда я смогу повидать детей?

ЧАСТЬ I

— Завтра с утра я позвоню вашим родным.

Медбрат идет к двери. Не дойдя до нее, останавливается:

— Если что — звоните. Сейчас к вам заглянет доктор.

Не дожидаясь ответа, он уходит.

От чего зависит, что жизнь складывается так, как есть?

В наступившей тишине становится слышна каждая мысль. Я точно вдруг пробудился. Принимаюсь перебирать отдельные этапы прожитой жизни. В памяти всплывают, казалось бы, давно забытые лица. Я вижу себя подростком на спортплощадке интерната и красный свет в домашней фотолаборатории в Гамбурге. Сначала воспоминания проступают в размытых очертаниях, но с каждым часом делаются все четче. Мысли мои все дальше углубляются в прошлое, а затем возвращают меня к той катастрофе, чья тень омрачила мое детство.

ТЕЧЕНИЯ

(1980)

Когда мне было семь лет, родители проводили с нами отпуск на юге Франции. Мой отец Стефан Моро был родом из Бердильяка — деревни в окрестностях Монпелье. Население — одна тысяча восемьсот человек, одна булочная, одна мясная лавка, две винодельные фермы, одна столярная мастерская и одна футбольная команда. Мы гостили у бабушки, которая в последние годы никуда не выезжала из своей деревеньки.

На отце светло-коричневая кожаная куртка, вечная спутница дальних поездок на машине, в зубах у него трубка. Мама, дремавшая большую часть пути, поставила кассету с песнями Битлов. Обернувшись ко мне, сказала:

— Для тебя, Жюль.

«Paperback writer»¹ — в то время моя любимая.

Я сидел за спиной у мамы и тихонько подпевал. Музыка заглушали голоса брата и сестры. Сестра ущипнула брата за ухо. Мартин — дома его всегда звали Марти — громко вскрикнул и стал жаловаться родителям.

— Ябеда, — снова дернула его за ухо Лиз.

Ссора набирала силу, пока наконец мама не обернулась и не взглянула на них. Этот взгляд был

¹ «Писатель бульварных романов» (англ.).

вершиной выразительности. В нем выражалось сочувствие к Марти за то, что ему приходится терпеть безобразное поведение сестры, а также и к Лиз, которой достался такой нервный брат, но главным образом ее взгляд говорил, что ссориться — это последнее дело, и даже намекал на то, что хорошим детям на следующей заправке, возможно, перепадет по мороженому. Брат и сестра тотчас же отстали друг от друга.

— Почему обязательно нужно каждый год ездить к бабушке? — спросил Марти. — Неужели нельзя было съездить в Италию?

— Потому что так положено. И потому что ваш приезд всегда радость для вашей *tamie*¹, — по-французски сказал папа, не вынимая трубки изо рта.

— Неправда! Она совсем нас не любит.

— А еще от нее так странно пахнет, — сказала Лиз. — Как от старого плюшевого дивана.

— Нет, от нее пахнет, как из сырого подвала, — сказал мой брат.

— Перестаньте болтать всякую чепуху о вашей *tamie*! — бросил папа, вырывая с развязки.

Я смотрю в окно. Вдали тянулись заросли тимьяна, гаррига², низкорослые корявые дубочки. В Южной Франции воздух был душистее, а краски ярче, чем у нас дома. Я засунул руку в карман и потрогал серебряные франки, сохранившиеся у меня от прошлого года.

К вечеру мы подъехали к Бердильяку. Деревенька всегда напоминала мне ворчливого, но доброго старичка, который целые дни проводит в по-

¹ Бабуля (*фр.*).

² Заросли вечнозеленых кустарников.

лудреме. Как это часто можно видеть в Лангедоке, дома здесь были из песчаника с простенькими ставнями на окнах и красноватыми ветхими черепичными крышами, на закате все было омыто мягким солнечным светом.

Под колесами заскрипел гравий, и наш комби остановился перед домом в конце улицы Ле Гофф. От дома с увитым плющом фасадом и обветшалой крышей веяло нездешней таинственностью. Здесь пахло прошлым.

Отец вышел первым и пружинистым шагом поспешил к двери. Должно быть, для него в том возрасте наступили, что называется, лучшие годы. На середине четвертого десятка у него еще были густые черные волосы, в общении с людьми он привлекал всех обаятельной вежливостью. Я не раз видел, как он стоит окруженный соседями или сослуживцами и все зачарованно слушают, что он рассказывает. Главный секрет был в его голосе, мягком, не слишком густом и не слишком звонком, его выговор с едва заметным акцентом, как арканом, улавливал и притягивал к нему слушателя. Его очень уважали как специалиста по экономической экспертизе, но важнее всего для него была семья. Каждое воскресенье он что-нибудь готовил для нас на кухне, на детей он никогда не жалел времени, а мальчишеская озорная улыбка выражала оптимистический настрой. Впоследствии, глядя на его фотографии, я, правда, заметил, что уже тогда что-то с ним было не так. Его глаза. В них проблескивало что-то горькое, может быть, даже страх.

На крыльцо вышла наша бабушка. Рот у нее был кривой, и на сына она почти не смотрела, словно стыдилась чего-то. Они обнялись друг с другом.

Мы глядели на эту сцену из машины. Говорили, будто бы в молодости наша бабушка была выдающейся пловчихой и в деревне все ее любили. Наверное, это было сто лет назад. У нее были хилые плечики и морщинистая черепашья головка. Казалось, она с трудом переносит галдеж своих внуков. Мы, ребятишки, робели перед ней и этим скупобставленным домом с вышедшими из моды обоями и железными кроватями. Для нас было загадкой, отчего наш отец стремится сюда каждое лето. «Было похоже, как будто его из года в год тянет возвращаться туда, где он пережил величайшее унижение», — сказал об этом как-то потом Марти.

Но было и другое: утренний аромат кофе. Солнечные лучи на выложенном плиткой полу гостиной. Доносящееся из кухни негромкое позвякивание, когда брат и сестра доставали к завтраку приборы. Папа, погруженный в чтение газеты, мама, строящая планы на предстоящий день. Потом посещение пещер, велосипедные прогулки или игра в петанк¹ в парке.

И в заключение в конце августа ежегодный праздник винограда. Вечером в Бердильяке играл оркестр, дома были украшены разноцветными фонариками и гирляндами, а по улицам разносился запах поджаренного на гриле мяса. Мы, трое детей, сидим на ступенях ратуши и смотрим, как танцуют на деревенской площади взрослые. У меня в руке фотокамера, которую мне доверил отец. Тяжелая и дорогуцая «Мамия». Мне поручено снимать праздник. Я воспринимал это поручение как почетное. Обычно отец никому не давал в руки свою камеру. Я был горд, делая снимки, в то время как он элегантно вел в танце маму.

¹ Распространенная во Франции игра в шары.

— Папа хорошо танцует, — с видом знатока произнесла Лиз.

Моей сестре было одиннадцать лет, она была рослая девочка с белокурыми кудрями. В ней уже тогда было то, что мы с братом называли «театральной болезнью»: Лиз всегда держалась так, словно стоит на сцене. Она сияла лучезарной улыбкой, словно на нее со всех сторон светят прожекторы, и говорила так громко и отчетливо, будто каждое ее слово должны услышать зрители в самых задних рядах. Перед чужими она изображала не по годам взрослую девочку, хотя на самом деле только что вышла из стадии «маленькой принцессы». Сестра рисовала и пела, любила играть на улице с соседскими детьми, иногда по нескольку дней забывала принимать душ и то мечтала стать изобретательницей, то вдруг воображала себя эльфом, и в ее голове, кажется, одновременно уживалась тысяча разных вещей.

В то время девочки в большинстве подсмеивались над Лиз. Я часто видел, как мама сидит у нее в комнате, гладит ее и утешает, потому что ее опять дразнили девчонки или запрятали куда-то ее ранец. После таких разговоров меня тоже допускали в ее комнату. Лиз порывисто обнимала меня за шею, я ощущал на себе ее жаркое дыхание, и она снова повторяла рассказ, только что выслушанный мамой, причем, скорее всего, с добавлениями. Не могу выразить, как я любил сестру, и это чувство не изменилось даже тогда, когда она спустя годы бросила меня в беде.

* * *

Ночью не посвежело, время уже было за полночь, а в воздухе по-прежнему стояла духота. Мужчины и женщины, которые танцевали на площади,

и наши родители тоже после каждой песни менялись партнерами. Я сделал еще один снимок, хотя «Мамия» чуть ли не валилась у меня из рук.

— Дай-ка мне камеру, — сказал брат.

— Нет. Папа дал ее мне. Он велел мне смотреть, чтобы с ней ничего не случилось.

— Мне на минутку. Я только хочу сделать одну фотографию, ты же все равно не сумеешь.

Марти выхватил у меня из рук фотоаппарат.

— Ну чего ты к нему пристал, — сказала Лиз. — Он так радовался, что может ее подержать.

— Да. А фотографирует он все равно паршиво. Он не умеет рассчитывать выдержку.

— Подумаешь, тоже мне умник нашелся! Неудивительно, что с тобой никто не дружит.

Марти щелкнул несколько снимков. Он был средним по возрасту. Десятилетний. В очках, темноволосый, бледное, невыразительное лицо. Если у меня и у Лиз заметно проступали черты родителей, у него внешне нельзя было обнаружить никакого сходства. Словно чужак, неизвестно откуда затесавшийся в нашу семью. Я его нисколько не любил. В моих любимых фильмах старшие братья были героическими ребятами, которые всегда заступались за младших сестер и братьев и стояли за них горой. Мой же брат сторонился нас, целыми днями сидел один у себя в комнате и играл там со своей муравьиной колонией или изучал под микроскопом кровь, взятую из анатомированных саламандр и мышей, его запасы мертвых животных казались неиссякаемыми. Лиз недавно назвала его «противным фриком», и, пожалуй, попала в самую точку.

От той поездки во Францию у меня, кроме трагического случая, которым она закончилась, сохра-

нились в памяти лишь обрывочные воспоминания. Конечно, я хорошо помню, как мы тогда на празднике смотрели на французских детей. Они играли на площади в футбол, и нас, глядя на них, охватило острое чувство отчужденности. Мы все родились в Мюнхене и ощущали себя немцами. Дома у нас, кроме разве что нескольких особенных блюд, ничто не напоминало о французских корнях, и только в редких случаях мы разговаривали по-французски. А между тем наши родители познакомились друг с другом в Монпелье. Мой отец уехал туда после окончания школы, чтобы подальше сбежать из семьи. Моя мама туда переехала из любви к Франции. (И потому, что тоже хотела сбежать от семьи.) Когда родители рассказывали об этом времени, то вспоминали о том, как ходили в кино на вечерний сеанс, как мама играла на гитаре, о своей первой встрече на студенческой вечеринке у общего приятеля или о том, как они вместе (мама уже беременная) отправились в Мюнхен. После этих рассказов мы, дети, считали, что хорошо знаем своих родителей. Но потом, когда их не стало, мы поняли, что не знали о них ничего.

* * *

Мы отправились на прогулку, но отец заранее ничего не сказал о том, куда мы идем, и всю дорогу был молчалив. Впятером мы поднялись на холм и очутились перед лесочком. У могучего дуба на холме отец остановился.

— Видите, что на нем вырезано? — спросил он как-то отстраненно.

— «L'arbre d'Eric», — прочла Лиз, — дерево Эрика.

Мы посмотрели на дуб.

— Тут кто-то обрубил ветку, — указал Марти на круглую выпуклость, выделяющуюся на стволе.

— Да, действительно, — как бы про себя согласился папа.

Мы, дети, никогда не видели дядю Эрика. Говорили, что он давно погиб.

— А почему это дерево так называется? — спросила Лиз.

Хмурое выражение сбежало с папиного лица.

— Потому что под этим деревом мой брат соблазнял своих девушек. Он приводил их сюда, они садились на эту скамью, смотрели сверху на долину, он читал им стихи, а потом целовал.

— Стихи? — переспросил Марти. — И это срабатывало?

— Срабатывало каждый раз. И потому какой-то шутник вырезал ножом на коре эти слова.

Он смотрел в утреннюю лазурь неба, мама стояла, прислонившись к нему. Я взглянул на дерево и мысленно повторил: «L'arbre d'Eric».

* * *

А затем каникулы подошли к концу, и была еще одна прощальная прогулка. Ночью опять прошел дождь, и на листьях висели толстые капли росы. Утренний воздух обдавал меня свежестью. Как обычно после раннего подъема, у меня было чудесное чувство, что весь день принадлежит мне. Недавно я познакомился с местной девочкой Людивинной и рассказал о ней маме. Папа, как всегда под конец проведенного во Франции отпуска, повеселел; казалось, он с облегчением расправил плечи при мысли, что все позади и до следующего года об этом можно не думать. Иногда он останавливался, чтобы сделать снимок, и все время что-то насви-

Содержание

ЧАСТЬ I	7
Течения (1980)	12
У переводной стрелки (1983–1984)	25
Кристаллизация (1984–1987)	42
Химические реакции (1992)	67
Жатва (1997–1998)	94
ЧАСТЬ II	123
Путь назад (2000–2003)	131
Лёт времени (2005–2006)	156
Зарождение страха (2007–2008)	221
Неизменное (2012–2014)	233
Иная жизнь	289
Слово благодарности	317

Велльс Б.

В 27 Конец одиночества : роман / Бенедикт Велльс ; пер. с нем. И. Стребловой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 320 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-12212-3

Немецкого писателя Бенедикта Велльса (р. 1984) называют одним из самых талантливых представителей молодого поколения. «Конец одиночества» — это трогательное повествование, роман-биография, роман-притча. Жюль, Марти и Лиз растут в счастливой семье. Окруженные вниманием и заботой, они не подозревают, что всю их жизнь изменит гибель родителей. Последующее пребывание в интернате разделяет детей — каждый из них выбирает свой путь, полный ошибок и потерь. Проходят годы, и повзрослевший Жюль, главный герой романа, стремится переписать собственную судьбу и наверстать упущенное, чтобы посвятить себя призванию и обрести любовь хрупкой загадочной девушки Альвы. Роман был опубликован в начале 2016 года и занял третье место в списке бестселлеров журнала «Der Spiegel»; книга удостоена премии «European Union Prize for Literature».

Впервые на русском языке.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

БЕНЕДИКТ ВЕЛЛЬС
КОНЕЦ ОДИНОЧЕСТВА

Ответственный редактор Алла Степанова
Редактор Анна Рябчикова
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Валентина Гончар, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 09.03.2017. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 15,6. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

ААВА2024501R